

Мораль имморализма
Беседа Дмитрия Фьюче с академиком РАН
Абдусаламом Гусейновым

Несколько лет назад в России вышел сборник статей «Философия Ницше в России» под редакцией Ю.Синеокой. Там я впервые встретил вашу работу о Ницше «Философия как этика (опыт интерпретации Ницше)». Этика – ваша основная философская тема?

Да. И этика не столько моя тема, сколько тема Ницше. Никто другой в Новое время не отождествлял философию с этикой, не фокусировал ее на этике так, как Ницше. И в этом смысле он был сродни тому, кого он более всего критиковал – Сократу. Сократ был первым, кто обозначил поворот от натурфилософии к человеку и этике, поворот от Фалеса, Эмпедокла, Демокрита в сторону Платона и Аристотеля. Сходную роль уже на другом витке развития философии выполнил и Ницше. И хотя Ницше можно назвать в некотором смысле даже антиподом Сократа в понимании этики, но в том, что касается роли этики в рамках философского видения мира, эти фигуры схожи. Для них обоих задача философии – это создание и утверждение ценностей (философский взгляд на мир связан с ценностным взглядом на мир, ценностным проявлением мира). Для них обоих философия есть образ мыслей, ставший образом жизни. А что, собственно говоря, есть у Ницше серьезного и развернутого помимо этики?

Объявляя себя имморалистом, Ницше был на деле самым серьезным моралистом?

Совершенно верно. Во всяком случае, он обозначил новый этап в развитии этики, а вместе с ней и морали.

Так вы считаете, что Ницше справился со своей задачей «переоценки всех ценностей»? Создал ли Ницше новое понимание морали или хотя бы новую моральную парадигму?

Диспозиция философа морали по отношению к самой морали — вещь очень тонкая и сложная. Ее не выразить даже таким емким термином, как понимание. Мораль не равна самой себе. Во-первых, она исторически меняется. Мораль, о которой рассуждал Аристотель, и мораль, о которой писал Ницше, — не одно и то же. Во-вторых, мораль не существует автономно от того, как она понимается. Понимание входит в мораль в качестве ее существенного элемента. Скажем, мораль человека гедонистической ориентации есть нечто иное, чем мораль человека стоической ориентации.

Мораль представляет собой способ сознательной человеческой жизни. Это живая практика, которая хотя и складывается с участием философов, но все-таки до философии и в каком-то смысле независимо от философии. Философия может быть включена в этот процесс, но реальный опыт нравственной жизни не является функцией или следствием философии. В этом смысле наиболее точными являются суждения тех философов морали, которые свою жизнь поднимали до уровня этического аргумента. Ницше несомненно принадлежал к ним. Он обозначил исключительно важный, переломный рубеж в нравственном развитии человека и общества. Но он, однако, не был первым, кто этот рубеж обозначил.

В чем же заключался этот рубеж?

Тут нет никаких неясностей и двусмысленностей. Ницше выражался всегда очень ясно и повторял свои утверждения с завидным постоянством, иногда многократно ударяя в одну и ту же точку. Он выступил против понимания морали как области намерений, мотивов, как «доброй воли», против понимания морали как такого состояния духа, которое компенсирует недостатки реальной жизни, надстраиваясь над нею и задавая ей другую, сугубо идеальную перспективу (как будто мораль — это такой колпак со свежим воздухом, куда надо просунуть голову для того, чтобы спастись от окружающей «вони»).

В истории морали Ницше выделял три больших стадии. Первая стадия — это первобытное, доцивилизованное существование, когда мораль сводилась к результату, к внешнему ри-

сунку поведения, что фиксировалось в законе талиона («око за око»), в уравнивании поступков, задающих отношения между людьми. Вторая стадия — это когда мораль понимается как намерение, как внутренняя мотивация, как некий духовный настрой. Эта стадия была обозначена Сократом и получила продолжение у Христа и Канта. Последние — это как раз те фигуры, которых Ницше нещадно критиковал (хотя отношение к Христу у него было противоречивое). У Ницше мы видим определение морали как самоотравления души, как бессильной злобы (как позицию человека, показывающего дулю в кармане, не имея возможности прямо ответить на удар). Это была характеристика морали в том виде, в каком она практиковалась в христиански осмысленной практике, в социалистически осмысленной практике, и в котором она истолковывалась философами. На третьей стадии открываются новые перспективы морали, когда первая и вторая стадии морали сливаются воедино, когда и сам человек сливается воедино с моралью и тверд как сталь, когда его моральный взгляд на мир не отрывается от того, что он делает, от его воли к власти, не отрывается от самой жизни в ее самом концентрированном и самом утверждающем виде. Именно такой рубеж обозначен Ницше в его уничтожающей критике прежней морали. А это означает, что уже дальше, поскольку человек хочет действовать, хочет опираться на осмысленную программу жизни, прежняя мораль уже практиковаться не должна. Ницше своим творчеством и жизнью обозначил, обосновал и по-своему испытал этот поворот, это восхождение на новую ступень нравственной жизни.

Но, повторяю, он не был тут первым. Этот же поворот, на свой манер, своим языком обозначили Маркс и Энгельс. Они тоже подвергли критике прежнюю мораль как способ духовного закабаления масс, как ложную форму сознания, совокупность отчужденных норм. У Маркса есть знаменитое высказывание, что Кант свел мораль к доброй воле, а ее осуществление перенес в потусторонний мир. Маркс выступил не против доброй воли, а против ее перенесения в потусторонний мир. Идея самого Маркса заключалась в перенесении морали в практическую проекцию. Вспомним его знаменитый одиннадцатый тезис из «Тезисов о Фейербахе»: «раньше философы только объ-

ясняли мир, но задача состоит в том, чтобы изменить его». В ранних текстах встречаются даже утверждения, что коммунизм преодолеет мораль. Зачем нужна будет мораль как некая духовная надстройка, если сами человеческие отношения будут моральными, если от них не будет исходить дурных испарений? Вот какова была логика Маркса. И в этом смысле ницшеанская и марксистская критика морали имеют под собой много общего.

Тут с вами очень трудно согласиться. Говоря о различных моралях, говоря об отсутствии единой морали, Ницше выделяет то постоянное и центральное, что есть в каждой морали: мораль господ и мораль рабов. Отстаивая мораль господ, Ницше связывает будущее морали только с ней; между тем как Маркс предлагает упразднить именно мораль господ и на базе единства пролетарской морали упразднить мораль как таковую.

У меня так и не дошли руки до сравнительной характеристики этики Ницше и марксизма на конкретном примере сопоставления того, как Энгельс и Ницше критиковали Дюринга. Это могло бы быть очень интересным исследованием. Оба они очень много говорят о Дюринге, имя которого занимало важное место в интеллектуальной жизни их времени. Было бы интересно сопоставить критику Дюринга Энгельсом в книге «Анти-Дюринг» с многочисленными критическими замечаниями Ницше в адрес того же Дюринга. Так вот фокус критики у обоих — один и тот же. И тот, и другой не приемлют внеисторического, абстрактного истолкования морали.

Но выводы, очевидно, разные.

Сам Маркс не говорил о классовой, пролетарской морали как этической перспективе посткапиталистического развития. Это потом о ней стали говорить Энгельс, Ленин. Так же случилось и с марксовским пониманием «идеологии» как ложного сознания, которое позже трансформировали таким образом, чтобы стало возможным говорить о позитивной «научной идеологии». Если следовать логике Маркса до конца, он вовсе не имел в виду, что пролетарская мораль станет всеобщей. В тех же случаях, когда он говорит о морали в позитивном смысле как форме самоутверждения индивидов, как, например, при описании парижских коммунаров (с их необы-

чайным достоинством, героической готовностью штурмовать небо), мы найдем мало отличий от ницшеанского сверхчеловека с его моралью господина. То есть внутренние интенции Маркса и Ницше были очень близки. Им обоим свойственен антимещанский пафос.

Более того: даже советская мораль не была разновидностью мещанской морали, она была ближе к морали героической, аристократической, она вся была замешана на идее самопожертвования, самовозвышения. Вспомните ранние рассказы Горького, который был в известном смысле ницшеанцем и заимствовал свой идеал человека у Ницше. И мораль господ у Ницше — это совершенно особая мораль. Господа Ницше не предполагают того, чтобы были рабы. Господа и рабы, как они есть в истории, друг друга обуславливают, не могут быть друг без друга. А для господ Ницше рабы не имеют значения.

Но как же все-таки нам оценить открытие Ницше, утверждающее, что каждая мораль делится на две части: одна — для рабов, другая — для господ? Таково свойство любой морали: одни ценности — для одних людей, другие ценности — для других. Именно отсюда следует невозможность «единой морали», «единого права», «общечеловеческих ценностей». Как вы оцениваете этот ницшеанский постулат?

Я бы не фиксировал тезис, который вы сейчас сформулировали, именно так. И поэтому в этом смысле я его комментировать не могу. Но то, что Ницше действительно совершил методологический переворот в подходе к морали, это верно. Ницше шел не от общего, не от правила к конкретности человеческой жизни, а наоборот. Для него мораль была формой конкретной жизни, способом достойного существования человека. В подходе к морали нельзя руководствоваться перевернутой логикой, т.е. рассматривать людей в качестве марионеток, подчиняющихся неким схемам, универсальным правилам. Нет. Мы первичнее, и мораль не то, чему мы соответствуем, а то, что мы творим как люди. Вот какова была позиция Ницше. Он считал человека в лице каждого конкретного индивида ответственным не за то, чтобы подчинять себя морали, следовать неким единым моральным правилам, он считал его ответственным за саму мораль. И эта способность — быть ис-

точником и масштабом моральных ценностей — есть решающий признак ницшеанского сверхчеловека. Человек не только тварь. Он еще и творец. И в вопросах морали тоже, и даже прежде всего. В этом заключается сверхидея Ницше.

А внутренняя двойственность морали (мораль господ и мораль рабов) есть вещь совершенно очевидная, поскольку мораль конституируется на противоположности добра и зла. Эта противоположность, точнее даже, эти противоположности — господ и рабов, добра и зла — имеют историческое происхождение и природу, они могут быть, они должны быть преодолены — вот что утверждал Ницше. Он увидел в морали, в той морали, которую воспевала европейская философия от Сократа до Канта и которую культивировала европейская культура от первых христиан до новейших социалистов, — он увидел в ней выражение и санкцию рабского мироощущения и рабского способа существования. Он увидел в морали изощренную форму самообмана, самоотравления души, величайшее тартюфство, в результате которого люди ничтожество своего существования компенсировали пустыми иллюзиями и упованиями, делая его тем самым еще более ничтожным. У Ленина есть замечательное утверждение: раб, находящийся в рабском положении, есть просто раб; раб, сознающий свое рабское положение и продолжающий оставаться рабом, есть жалкий холоп; раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Мораль, утверждает Ницше, была таким осознанием рабами своего положения, которое низводило их до уровня жалких холопов, гнусных тварей, которое превращало рабство из несчастья в сознательную позицию. Именно через посредство морали рабы по случаю становятся рабами по выбору. Я думаю, мысль Ницше будет передана точнее, если сказать: мораль не просто выражает тот факт, что человек является рабом, она прежде всего есть то, что превращает человека в раба. В кривом зеркале морали с ее противоположностью добра и зла, словно в камере-обскуре, действительный порядок ценностей оказывается перевернутым. Когда рабское положение, т.е. действительное зло, именуется добром, и свободное состояние господина, т.е. действительное добро, именуется злом, то задается такая диспозиция существования, когда первого не надо избегать (ибо кто же избегает добра!), а ко второму не надо стремиться (ибо кто же стре-

мится к злу!). Вспомните: «По ту сторону добра и зла» («Jenseits von Gut und Böse»). Это – не просто название сочинения Ницше. Это – его этическая программа. В ней уже нет добра и зла. В ней другая пара: хорошее и плохое.

Да, Ницше пытается встать на позицию «по ту сторону добра и зла». А вот внутри своего понимания морали он, конечно, остается на позиции господ.

Но чтобы остаться на позиции господ, ему надо обозначать и позиции не-господ тоже. И это уже не позиции рабов, а некие позиции внутри господской морали, поэтому у Ницше вместо противоположности добра и зла появляется противоположность хорошего и плохого (это не одно и то же). Относительно добра и зла Ницше утверждает их соразмерность друг другу, их взаимообусловленность, их взаимное питание друг друга. Относительно хорошего и плохого он утверждает их несоразмерность друг другу, когда плохое не есть то, в соотнесенности с чем мы формируем наше хорошее, а то, что мы решительно отвергаем. Добро и зло, понятые как ценностное выражение отношения «раб–господин», соотнесены между собой таким образом, что добро порождает зло. Продуктивная, творческая сущность добра и выражается в том, что оно порождает зло. Связь хорошего и плохого является принципиально другой. Хорошее отвергает, отбрасывает плохое. Плохое – это что-то наподобие выхлопных газов автомобиля, который мчится по автостраде. Добро и зло смотрятся друг в друга, они прикованы друг к другу железной цепью диалектики. Хорошее и плохое – не диалектическая пара, они направлены в разные стороны.

Так что к моральной терминологии Ницше постоянно прибегает.

Сам язык морален, куда же нам от него деться?

Да, язык морален, но дело не только в языке. Философы в случае необходимости выдумывают свой язык. Ницше считал философию каталогом ценностей, а ее основной задачей – производить ценности. Это означает, что человеческое мышление в своей подлинности, в своей философской предельности – аксиологично. Нельзя мыслить, чтобы одновременно не разделять действительность на хорошее и плохое. Следовательно, невозможно отвергнуть мораль, не встав на моральную же точ-

ку зрения. Ведь надо же Ницше ответить на вопрос, почему ему не нравится мораль Христа или этика Канта. А почему бы им не быть?! Ницше сам спрашивает: почему мы стремимся к истине, а не ко лжи? Так вот и его можно спросить, почему бы не быть морали христиан и социалистов?!

Каждому – свое. Мне кажется, Ницше дал бы вам такой ответ.

Нет-нет. Ницше был нигилистом. Но релятивистом он не был. В этике тем более не был им. Он отвергал мораль, понимая под ней всю официально и массово культивируемую мораль, по той причине, что она недостойна человека, унижает его. Потому что она утверждает человека-раба, а не человека-господина. Но эта ницшеанская аристократическая позиция, требующая не приземленности и униженности человека, а его величия, возвышенности, устремленности ввысь, есть также мораль. Поэтому нигилизм Ницше в отношении морали может быть интерпретирован как некая моральная позиция. И в этом смысле вполне можно говорить об этике Ницше.

Я думаю, что, называя себя имморалистом, Ницше имеет в виду прежде всего изменение в понимании морали. И только основываясь на таком измененном ее понимании, он приступает к утверждению своего этического учения. И тут он берет на себя сверхзадачу, т.е., вопреки марксистским представлениям, он не выводит свою этику из реальной жизни (хотя и ссылается на историческую аристократию), а пытается именно навязать ее миру, реальной жизни. «Что самое трудное – приказать великое...»; «Я мог бы стать Буддой Европы...»

То, как мораль складывается, создается в реальной жизни людей, не имеет никакого значения в случае самого Ницше, который как философ считал себя нравственно связанным (и в этом его величие!) теми выводами, к которым он приходил. И свое понимание морали он отстаивал последовательно. Когда речь идет о реальной жизни самого философа, философская этика и мораль должны совпадать. Ницше в этом смысле наилучший из существующих примеров, хотя в этом состояла еще и его трагедия: его жизнь как философа была жизнью его мысли. Даже когда Ницше отправляется на войну, где он получает свои страшные физические недуги, его ведет туда его живая мысль, его душевная маета.

Этим стремлением выхода своей мысли в практику страдает практически каждый философ. Показателен в этом смысле один из наследников Ницше, Сартр. Всю свою жизнь он стремился туда, где что-то происходит, даже, как сказал один из его последователей, добивался, чтобы его посадили в тюрьму. И когда однажды его арестовали в связи с позицией по Алжиру, то будто бы Де Голль, узнав об этом, сказал, что Вольтеров в тюрьму не сажают, а Сартр — наш Вольтер, и тут же велел его выпустить. Сартру «не повезло».

Ницше — тот философ, который превращает философию в дело. Не этим ли объясняется то, что он философию понимал как этику?! Ведь этика — не учение о том, что есть. Она есть учение о том, что делать. Философия, конечно, движима пафосом истины. Ницше также охвачен этим пафосом. И в этом смысле он остается в русле классической традиции. Но философия (и здесь уже начинается выход за классические рамки), которая учила не смеяться, не плакать, а понимать, не выражает истину, она свидетельствует ее, она заявляет себя как форму истинной жизни. Вот Заратустра у Ницше. Он же не замкнут на самого себя, не довольствуется своей сверхчеловечностью! Он постоянно спускается со своей одинокой горы к людям. И этот художественный факт противоречит идеям сверхчеловека, воли к власти. Такое поведение Заратустры ложится скорее в логику социалиста или христианина. В логике Ницше Заратустра должен был бы устроить долине камнепад, небесный обвал. А он вдруг почему-то спускается и речи держит.

Заратустра держит речи к избранным, а не к народу (как социалисты и Христос). Он сразу указывает на свою наивную ошибку, когда он первый раз пытался говорить к народу на базарной площади.

И Будда обращался к избранным. И Иисуса окружали двенадцать избранных. А идея партии, опосредующей отношение вождя к массам, — разве не нечто похожее? Конечно, избранные не есть толпа, но тем не менее тот, кто нуждается в них, не может считаться самодовлеющим субъектом. Это — скорее человеческий, чем сверхчеловеческий способ поведения.

Ваш институт занимается проблемами истории философии. Можно ли сказать, что Ницше был действительно первым, кто поставил под вопрос саму мораль, увидел мораль как проблему?

Хотя такую постановку вопроса действительно принято связывать с именем Ницше, все-таки нельзя в такой богатой интеллектуальной истории, как история Европы, еще ранее не найти зачатки таких мыслей. Уже у Платона есть герои, произносящие сугубо ницшеанские фразы типа того, что справедливость — это власть сильнейшего. Но это вовсе не означает, что кто-то так же как Ницше поставил мораль под вопрос, проблематизировал мораль. Это сделал именно Ницше, и только он. И он это смог сделать лишь постольку, поскольку он саму философию истолковал как этику, сделав этику центром философии. Во всех других случаях это были лишь какие-то похожие, зачаточные формы такой постановки вопроса, которые мы видим только потому, что уже появился Ницше; без Ницше мы бы их не зафиксировали, не придали бы им теоретическое значение.

Ницше сменил само понимание предмета этики. До Ницше этика была учением о морали. Этика видела свою задачу в том, чтобы постичь логику морали, обобщить ее, развить, дать новую формулировку и т.д. А для Ницше этика — это критика морали; не учение о морали, а критика морали. Также Маркс изменил диспозицию по отношению к политической экономии, дав ее критику («Капитал»). То есть Ницше не занимался подобно своим предшественникам апологией морали и морального сознания, он разоблачал, дискредитировал их. Ницше впервые показал, что нельзя мораль принимать за чистую монету, что мораль есть бедствие человека, она позволяет изощренно обманывать не только других, но и самого себя.

Мне было бы интересно узнать ваше мнение о некоторых высказываниях Ницше о морали. Например, это: «Философы прикрываются щитом истины и морали от напора самой природы жизни».

Это совершенно верное утверждение, хотя и не исчерпывающее. Хотите услышать еще более дерзкое суждение на ту же тему? «Философия и действительная жизнь соотносятся между собой как онанизм и половая любовь». Это уже Карл Маркс.

А вот Ницше идет еще дальше: «На мораль не нападают, ее просто не принимают в расчет». Здесь речь идет уже не о критике морали, а о ее полном преодолении. Возможно ли такое, или это просто бравада Ницше?

Мораль можно не принимать в расчет только как нечто такое, что находится вне меня. Если кто-то другой с помощью или под прикрытием морали обманно пытается навязать мне свою волю, сдерживать мой порыв или унижить меня, то я могу, даже обязан не считаться с такой моралью. Но если мораль есть нечто, что находится внутри, совпадая с личностной выраженностью моего существования, она выражает смысл, заключенный в моих поступках, линии поведения, то как я могу не считаться с моралью? Я не могу не считаться с моралью, потому что «Я» в решающей мере и есть моя мораль. Мысль простая: мораль нельзя оторвать от человеческого «Я».

Есть ли у Ницше хоть одно утверждение, в отношении которого нельзя было бы найти противоположного утверждения? Отсюда все трудности понимания Ницше. Ницше сумел создать такую философию, такие тексты, которые нельзя заучить и объективировать, через обращение к которым всегда создается новый текст. Отсюда многочисленность толкований Ницше. Поэтому, пытаясь понять приведенные вами слова Ницше, как и вообще все его утверждения, надо точно понимать их контекст. В данном случае Ницше скорее всего имеет в виду мораль рабов, «на которую не надо нападать и которую не надо принимать в расчет». А вот когда Ницше говорит о морали господ, об аристократической морали, о «свободных умах», он везде пользуется моральными определениями. Обратимся снова к Марксу, раз уж так получилось, что в сегодняшнем разговоре мы часто апеллируем к нему. Тот также говорил об уничтожении коммунистами морали, но в своей речи, особенно в публицистических текстах, Маркс обильно оперирует моральными понятиями. Таким образом, мы видим, что освободиться от этой «лживой реальности» морали намного сложнее, чем прокламировать такое освобождение.

А вы можете себе представить человека, свободного от морали в ницшеанском или марксистском понимании?

Это большая редкость. Человек, свободный от морали в ницшеанском или марксовом понимании, есть просто свободный человек. А это ой как трудно!

Так значит, возможно?

Когда о человеке говорят: «Как Бог», вот тогда мы встречаем такое явление. Такой человек находится по ту сторону морали, «не принимает в расчет мораль». Это можно разумно ис-

толковать, понять и принять, но только в том смысле, что человек является настолько цельным и совершенным, настолько соответствует всем человеческим канонам, что он сам становится источником морали. Его подлинность, его бытие и есть его мораль.

Быть источником морали – какая удивительная фраза...

Язык не умеет многие вещи точно выразить. Здесь не предполагается, что есть некто, кто является источником морали. Это не так. На самом деле, тот факт, что некто является источником морали, и делает его тем, кто он есть. То есть это не так, что появляется сверхчеловек, который стоит вне морали, а наоборот: когда некто достигает того, что он сам по себе является моральным (нравственным) до такой степени, что может «не принимать в расчет мораль», он приближается к сверхчеловеку. И в этом смысле наше «Я», субъективность, личностное, автономное начало не существует вне способности быть принципом, разделяющим хорошее и плохое, порождающим их из себя, вне способности не быть скованным омертвелыми установлениями, которые кто-то когда-то насоздавал. Никто не может учить другого морали, не подвергая сомнению и не дискредитируя при этом самую мою человеческую способность к моральному бытию.

Таким образом, мораль есть сугубо индивидуальное явление?

Да, предельно индивидуальное, настолько индивидуальное, что вне ее нет человека в его человеческой личностной определенности. Индивидуальное, однако, не значит индивидное, не значит внесоциальное. Индивидуальное есть высшее выражение общественных потенций человека, универсализма человеческого духа.

Человек, а тем более только формирующийся человек, не может не подвергаться воздействию моральных установок других личностей (как минимум бессознательно).

Можно учить быть моральным, но нельзя учить самой морали. И вы только тогда по-настоящему учите кого-то быть моральным, когда вы помогаете ему быть индивидуально-ответственным, быть автономным, в том числе быть автономным от вашего учительства. Это приблизительно так же, как вы учите ребенка ходить.

В отношении к Ницше у вас звучит такое выражение, как «экзальтированное дерзновение», которым вы обозначаете духовный порыв Ницше к предельным проблемам и в котором он, по-вашему, подошел к некоей бездне, Ничто, к тотальному отрицающему мораль нигилизму, где он увидел нечто, что его в конце концов сломило. В этих словах содержится такой посыл, что Ницше, конечно, философски героический человек, который шел до конца, но... неверной, гибельной дорогой. Так я слышу: Ницше в своей героической попытке пришел к чему-то неправильному, что его сломило и погубило. Здесь звучит ваша оценка всему Ницше и подспудный призыв «не делать как Ницше». Сегодня я хотел бы снова вместе с вами войти в это поле и еще раз поразмышлять: это была ошибка, срыв, сознательная воля к гибели, неизбежный удел всех героев, еще что-то. Должны ли мы давать моральную оценку творчеству Ницше, подходить к нему с вне-моральных позиций или просто умолкнуть и ничего собственного тут не говорить?

Сказать «не делайте как Ницше» я не могу. И уж совсем не могу утверждать «делайте так, как Ницше». Подлинность Ницше состояла в том, что он был Ницше, он жил своей мыслью. Жить мыслью, сам способ такой жизни есть большая проблема, и это проблема будущего. Если мы посмотрим на нашу жизнь и на то, какое место в ней занимает наш разум, мы увидим, что разум обслуживает нас, наши биологические и социальные потребности, и потому не имеет сегодня самоцельного значения. Даже для тех людей, для которых познание стало основным родом деятельности, разум играет вспомогательную и служебную роль (сами эти люди олицетворяют собой именно такую роль разума). А вот если попробовать перевернуть всю эту пирамиду, и все прочее (витальность, социальность, экономику) поставить на службу мысли, что мы получим тогда? Если рассматривать разум, эту познающую и судящую инстанцию в нас, не как технического посредника, а как путеводителя жизни, ее высшую одухотворяющую основу — что тогда?

Тупик, смерть.

Я не думаю, что Ницше ответил бы так.

Ницше хотя и жил мыслью, но всегда выступал против мифологии и освящения разума. Может, он занимал такую позицию, исходя как раз из познания собственной «жизни в мысли», из ее гибельности?

Ницше жил мыслью. И его критика разума сводилась как раз к критике его обслуживающей роли в жизни человека, к критике его сдерживающей функции, когда он не дает жизни проявляться в ее изначально стихийном начале. Ницше отрицает разум именно в таком противоестественном его проявлении. А вот если мысль понимать также как жизнь, то мы получим совершенно другую картину. И трагедия Ницше связана именно с тем значением, которое он придавал мысли в своей жизни. Он собою свидетельствовал мысль; он свидетельствовал свою жизнь в мысли, не считаясь ни с чем другим, не считая нужным оформлять такую свою жизнь в мысли какими-то условностями (профессиональной среды, общественными предрассудками). Мысль была для него вольной птицей. И, я думаю, отсюда у него были все основные конфликты, в том числе с близкими людьми. Он ушел слишком далеко от них в своей жизни в мысли. Но в понимании самого Ницше нет никакого «слишком далеко»: мысль — это вольная птица, и она не может быть скована. А мысль сковывается тогда, когда она ставится на службу чему-то другому.

Вопрос заключается вот в чем: является ли мышление (познание) посредствующим звеном в нашем отношении к бытию, или оно само есть полноценная форма бытия, его продолжение? Ницше был, конечно, яростным противником интеллектуализма, прежде всего интеллектуализма этического. Он не был согласен обменивать теодицею на логодицею. Отсюда — его разногласия с философской классикой, с немецким идеализмом в первую очередь. В культе разума, логически дисциплинирующего поведение, он видел такое же выражение ressentimentа, холопства, лицемерия и трусости, каким является и система перевернутых моральных ценностей. Ницше не хочет быть не только чужим рабом, он не хочет быть и рабом самого себя. Он полагает, что быть рабом самого себя еще хуже, чем быть рабом другого. Уж лучше господин, который стоит над тобой с плеткой в руке, чем господин, который сидит в твоей собственной голове. Все канальство человека он видит в том, что человек спрятал господина с плеткой под собственной черепной крышкой и объявил себя свободным. Он разоблачает этот фокус как глубочайшее лицемерие и трусость. И поет гимн

дионисийству. Нельзя думать, что Ницше в этом вздорно одинок. Разве шекспирово «Есть много странных вещей на земле и на небесах, Горацио, которые и не снились вашей философии» — не о том же?! А известное моему поколению из школьных хрестоматий высказывание Гёте о том, что наука суха, но вечно зелено дерево жизни?! Что-то ницшеанское звучит даже в гегелевском утверждении о том, что ничто великое не совершается без страсти. Ницше — за страсть, переходящую в мысль, и за мысль, становящуюся страстью. Он выступает против разума-полицейского не потому, что хочет дать волю страстям-преступникам, он — за такое жизнеустройство, где нет деления на полицейских и преступников. Он бунтует против раздвоения человека на преступника и полицейского, на преступные страсти в душе и законные суждения в голове. Он — за цельного человека! Он — за мысли, убеждения, которые не убивают, не подавляют жизнь, а выражают, продолжают ее.

Так все-таки гибельна такая «жизнь в мысли»?

По факту она оказалась трагичной, одинокой и в этом смысле гибельной. И она оказалась таковой для многих философов.

Вы говорите, предупреждаете об этом своих студентов, аспирантов?

Такая жизнь, по-моему, и есть счастье. А умирают ведь все равно все. Вопрос только в том, **как** мы умираем, или, что одно и то же, **как** мы живем. Ницше всегда был за подлинную жизнь, чтобы ее ничто и никто не кастрировал. А подлинность дана именно в мысли. Если выразиться более привычным языком, для Ницше мысль была делом. Отсюда и необычная конструкция его текстов. Такие произведения, как произведения Ницше, не пишутся в отведенное для их написания время между завтраком и обедом. Они пишутся все 24 часа.

Но, отпуская свою вольную птицу, он, по-вашему, встретил то, что его сломало. Что это все-таки значит? Что это?

Я не уверен, что могу понять психологию духовно обеспокоенного человека и мыслителя такого масштаба, как Ницше. Примите это скорее как фигуральное выражение для обозначения факта биографии. У знаменитого советского футболиста Яшина болезнь отняла ногу, и можно сказать, что он сломался на своем деле. Вот так и Ницше. Он сломался на своем деле, на своем желании все додумать до конца.

В случае Ницше была и особая причина, связанная с его позицией философского иррационализма; когда мыслитель делает утверждения, что жизнь есть воля к власти, то логично думать, что оно — это утверждение — есть выражение воли к власти того, кто его делает. (Заметим в скобках, так оно и было — этим утверждением Ницше утверждал свою власть в философском мире!) Но тем самым данное утверждение лишается статуса философской истины. Оно оказывается неверным именно потому, что оно верно. Вообще философский иррационализм парадоксально противоречив. И это ложится на его сторонников дополнительной нагрузкой.

Человек, перманентно преодолевающий себя и других, в том числе и в мысли, и без того обречен сломаться, потому что человек есть достаточно хрупкое создание. Мысль, соразмерная миру, человеку непосильна. Еще Демокрит смеялся над человеком-муравьем, мнящим себя пупом вселенной. Сколько великих людей в истории человечества погибло от тяжести взятых на себя задач? Человек — бренное и ничтожное существо («мыслящий тростник»), а претензии его иногда безграничны. Ницше подписывается в своих последних письмах как «Дионис Распятый». Каково? «Будда Европы» — как тут не сломаться?! «Дионис Распятый» — Вдумайтесь! Этот последний проблеск ума высветил саму суть ницшеанской философии и этики. Страсти в своих высших проявлениях, как, например, любовный экстаз или яростный гнев, целиком завладевают человеком, так, что он забывает о себе, сливается с самой страстью. Мысль, настоящая напряженная мысль, также вбирает в себя человека целиком, и когда есть мысль, то нет того, кто мыслит. Ницше хочет соединить то, что было разорвано со времен Сократа, заделать трещину духа и тела. Он хочет вернуть человеку цельность, когда благоразумие не оплачивается радостью существования. Ницше был страстный мыслитель. В конце концов — не «Христос Пьянствующий», а «Дионис Распятый»! Не моральный разум, сорвавшийся в бездну дионисийских страстей, а дионисийские страсти, поднятые на высоту духовной Голгофы! Кстати заметить: не этой ли цельностью Ницше, в натуре которого не было зазора между мыслью и страстью, объясняется такая особенность его (как, впрочем, и большинства великих философов) текстов, как от-

сутствие чувства юмора. Там, где мысль сразу становится делом, а слова существуют только в своей вещественной нагруженности, для шуток не остается места. Боги не шутят. Философы тоже.

Я вижу, что вы всей душой на стороне тех людей, которые идут к пределу своей задачи, зная, что они будут сломлены...

С единственной оговоркой: если они это делают не за счет других людей. Если они берут весь риск НА СЕБЯ.

В этом смысле сам Ницше достаточно безупречен. И это открывает особое понимание его приверженности к индивидуализму, когда в своей задаче он все брал только на себя. В то же время в ваших работах есть фразы, называющие индивидуализм тупиком, обреченным на поражение.

Человек распят между брэнностью своего тела и необъятностью своей мысли. Он хочет быть как Бог, но не может обойтись без других людей.

Мне хочется задать вам личный вопрос. Мыслящие люди обычно причисляют себя к каким-либо партиям, течениям, движениям мысли и т.п. Быть в этом смысле индивидуалистом, единственным в своем роде, — это весьма серьезная замашка для самостоятельно мыслящего, и возможно, не побоюсь этого слова, избранного человека. Вот Вы, многоопытный и мыслящий человек, — кто Вы как философ или как человек?

Идея абсолютного индивидуализма, как ее исследовал, культивировал и пропагандировал Ницше, очень важна, поскольку в каком-то смысле каждый человек должен быть таким (по крайней мере, что касается его исходной этической позиции). Каждый человек должен иметь в себе силу, некий стержень, с помощью которого он может противостоять всему миру. Когда человека ничто не может сломить. Такое качество демонстрируют нам люди, которых мы привыкли называть героями. Это качество Ницше и пытался интеллектуально осмыслить и выразить, философски развить и запечатлеть. Но это ни в коем случае нельзя считать какой-то особенностью индивидуальной судьбы Ницше или особенностью его философии, языка и т.д. Это, конечно, все есть, но наряду со всем этим есть еще исключительно важная истина человеческого существования: такая позиция героя не всем под силу, но все имеют тягу к такой позиции и все понимают ее необычайную красоту.

Я учился, духовно и интеллектуально вырос на марксистской традиции, включая философские основания и гуманистические идеи, которые в течение 2,5 тысяч лет складывались в европейской культуре и завершителем, кульминацией которых себя марксизм считал. На стене актового зала МГУ им. М.В.Ломоносова, в котором я прошел последовательно весь путь от студента до профессора и заведующего кафедрой, высечены слова В.И.Ленина (слава Богу, хватило ума оставить их на своем месте!) о том, что коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые накопило человечество. Это был не просто лозунг, а реальная установка, которая, хотя и не без сопротивления и противодействия, но тем не менее уже в мои годы (в университет я пришел в 1956 г.) стала в философском образовании преобладающей. Как сейчас помню, первая прослушанная мной лекция была лекция В.В.Соколова о Милетской школе. А первый мой семинар по истории философии, который вел ныне уже, к сожалению, покойный А.Н.Чанышев, начался с того, что мы вместе с ним начали читать и разбирать «Метафизику» Аристотеля. Вы помните у Блока: «нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Это обо мне и, быть может, вообще об отечественных специалистах по философии моего поколения. Парадокс состоит в следующем: нас учили смотреть на философию сквозь призму диалектического материализма, учили видеть, что все философские открытия, даже лучшие из них, не дотягивают до порога марксистской научности, а мы увидели нечто другое, мы увидели, что каждая философская система (школа) «не дотягивает» на свой оригинальный манер и является прекрасной как раз в своих «заблуждениях». Мы стали всеядными. Может быть, подойдет даже термин «эkleктика». Впрочем, я и не считаю себя большим философом, скорее – профессором философии, преподавателем философии, исследователем философии. Поэтому я не очень озабочен тем, чтобы определять и последовательно выдерживать свои философские позиции. Мои философские предпочтения определяются этической специализацией: Аристотель, Кант. Но, как ни странно, мне близки философы и совсем противоположного «лагеря»: тот же Ницше или наш Лев Шестов,

которого люблю читать. Если говорить об убеждениях, я бы употребил слова: «гуманизм», «свободомыслие», «ненасилие». Это те вещи, которые имеют для меня важное значение и в которых я глубоко убежден.

Ваша центральная тема — это «этика ненасилия». Если в Интернете набрать ваше имя, то рядом будет стоять и это слово: «ненасилие».

Да, об этом я писал и пишу много. Хотя и не только об этом. И даже больше не об этом. Но тут дело в том, что другие о ненасилии мало пишут, а те, кто писали, отступили: стало не модно.

Ненасилие и Ницше. Здесь есть большое противоречие. Возможно ли их внутренняя увязка, например в теме «ненасилие у Ницше»? Или «ненасилие» есть все-таки совершенно антиподная для Ницше мысль; и в этом смысле вы осуществляете борьбу с Ницше, т.е. своей философской деятельностью боретесь против ницшеанских воззрений?

Я не считаю, что я «борюсь с Ницше», и никогда так вопрос не ставил. Хотя, конечно, правда состоит в том, что, когда Толстой формулировал свою философию непротivления, его линия и логика мысли противостояла линии и логике Ницше и воспринималась именно как противостоящая Ницше. А.Швейцер, например, пишет, что он излечился от Ницше благодаря Толстому. Так что в реальном опыте культуры эти две линии, действительно, воспринимались как полярные и исключают друг друга. Это факт. У Ницше масса суждений, которые могут корчить сторонников идеи ненасилия. Само учение Ницше, казалось бы, отрицает эту идею. Но мне представляется очень интересным всерьез поработать с Ницше, с его текстами, именно в контексте ненасилия. В одном отношении Ницше очень близок к этому идеалу. Что такое ницшеанский сверхчеловек? Это человек, который не признает над собой никакого насилия.

Правда, он допускает насилие по отношению к другим. Этот вопрос подлежит отдельному обсуждению, и он не так прост.

У Гегеля есть замечательное выражение, что из природы нельзя вырваться без помощи насилия. Нельзя из природного состояния возвыситься до человеческого существования без помощи насилия, без многократного применения насилия: во время рождения, при воспитании детей, в отношениях с при-

родой — мы всюду совершаем насильственные акты, когда мы вырываемся из природы. Но что касается внеприродного, собственно человеческого, культурного существования, то здесь хотя порой и используется насилие, но оно ему чуждо.

И вот теперь возвращаемся к Ницше. Как его истолковать? Если мы принимаем всерьез заявку Ницше о сверхчеловеке, то она означает какую-то новую ступень человеческой эволюции. Ницше выводит людей в новое качественное состояние. И также как из одного состояния общества нельзя перейти к другому качественному состоянию общества, чтобы не происходило насильственных разрывов (революций, войн и т.п.), так и при изменении качественного состояния человека обойтись без насилия, видимо, не удастся. Переход человека к сверхчеловеку можно уподобить выходу человека из природы, и в случае такого уподобления мы должны применять к этим процессам особые каноны или законы. Ницше не рассуждает, что сверхчеловеки утверждают себя в борьбе друг с другом, и сколько их вообще может быть. Ницше, кажется, не использует нигде множественное число своего понятия «сверхчеловек». Не значит ли это, что сверхчеловек мыслился Ницше в единственном числе или единственным в своем роде? А какое же насилие здесь может быть? Именно в этих смыслах возможно весьма интересное исследование творчества Ницше.

Однако в настоящее время тема «ненасилия» стала слишком маргинальной, чтобы служить предметом таких исследований.

Почему вы считаете, что тема «ненасилия» стала сегодня маргинальной?

Ее сегодня никто всерьез не воспринимает. Ну, разве что отдельные мечтатели.

Насколько тождественны, на ваш взгляд, темы «ненасилия» и «любви»?

Они абсолютно тождественны.

Я почувствовал это из ваших интонаций. Но объясните: почему же тогда именно «ненасилие», а не «любовь»?

Это очень просто. Ненасилие есть та форма, в которой вы можете практиковать любовь в подлинном и адекватном виде, застраховав себя от всякого рода превращенных и извращенных форм любви. Как я могу вас любить? На каких основаниях? Как вы считаете правильным, или как я считаю правиль-

ным, или как Кант считал правильным? Руководствуясь своими чувствами и представлениями? Сколько людей было загублено на этом пути. Разве мало было и есть на свете матерей, которые губили и губят жизни своих детей во имя любви к ним? Разве мало на земле в прошлом и в настоящем религиозных фанатиков, обрекающих на смерть людей во имя спасения их душ? А политиков, ввергающих в несчастье народы во имя любви в Родине? Единственная реальная форма, в которой можно практиковать любовь к человеку без опасения, что она выродится в свою противоположность, — это принципиальный отказ от совершения насилия по отношению к нему.

Ставя так убедительно знак равенства между ненасилием и любовью, вы опровергаете свое убеждение в том, что это маргинальная тема. Наоборот, это просто притча во языцах современного общества, притча о любви как высшей ценности. Спросите любого.

В таком случае маргинальным является это отождествление любви и ненасилия. Сегодня многие говорят о любви. Но говорить и знать — не одно и то же. На мой взгляд, понятие любви, будь то теоретические опыты или живая речь, является общим, неопределенным. Оно не имеет операционального характера. Ведь говорится о любви к животным, любви между мужчиной и женщиной, любви к друзьям, родине, любви к Богу? Разве это одно и то же?

Насколько, по-Вашему, тема «любви и ненасилия» связана с темой «Бог»? Я хочу привести несколько Ваших цитат в связи с этой темой, поскольку Ницше отстаивал внебожественное мировоззрение и бытие человека. «Урок Ницше — это урок Германии и России, как устроиться без Бога на земле». «Нам нужно наконец-то расчистить пространство (видимо, философское. — Д.Ф.), в котором только и можно вести разговор о Боге». Хотелось бы понять это божественное присутствие в Ваших текстах.

Я что-то не узнаю свои слова. Ну да ладно. Понятие «Бог» есть вещь сложная, я тут придерживаюсь толстовской негативной теологии, согласно которой мы можем в доказательных рассуждениях прийти к выводу, что Бог есть, но мы никогда не сможем сказать, что это такое. Постулат Бога нам нужен для обозначения предела того, что мы можем знать. И не более того. Уже из такого определения Бога следует то, что о нем самом мы

ничего знать не можем. Но, поскольку мы постулируем его как некую основу мира, то отсюда Толстой развивал очень логично свою идею ненасилия, взяв любовь в том виде, в котором она была явлена Иисусом: не как «я хочу», а как «ты хочешь». Вот логика любви, вот ее формула: «не как я хочу, а как ты хочешь». Так кто же может быть этим «ты», которому бы я мог отдаться безраздельно, целиком поставить себя на службу ему? Им не может быть мой сын, моя жена, некто Иванов. А вот если мы возьмем Бога, этот мыслимый предел, то Он – может быть. Так что: не как «я хочу», а как «хочет Бог». А мы же о Боге ничего не знаем... Мы не знаем и знать не можем, чего от нас хочет Бог. Отсюда вытекает, что в нашей власти остается только первая часть формулы: не как я хочу. Не как я хочу – это уже позиция ненасилия, отказа от насилия, ибо суть насилия кратко можно выразить формулой: «не как ты хочешь, а как я хочу».

Вы сейчас блестяще изобразили ницшеанские формулы для мужского и женского: счастье мужчины: «я хочу»; счастье женщины: «он хочет». Значит, Бог выступает у вас в качестве промежуточной философской конструкции для решения ее неразрешимых задач; это тот внутренний предел, которым нам необходимо оперировать в поле неопределимости?

Бог – не только философская, но и культурная конструкция, которой оперировал и Ницше. Сказавший «Бог умер», он сам подписывался именами бога. Так что Бог есть. Но при этом я не отношу себя ни к христианам, ни к католикам, ни к православным, ни к мусульманам. Сам я остаюсь свободомыслящим.

Я знаю, что не менее трех четвертей сотрудников ведущих московских философских кафедр так или иначе, но открыто причисляют себя к христианской мысли. Что вы об этом думаете?

Это не предел. Раньше они на 100% причисляли себя к коммунистам.

Я рад, что в Вашем лице я нашел мыслителя, который использует понятие Бога для преодоления предельных для мышления проблем, а не как реальную субстанцию реального мира, с которой следует соизмерять свою жизнь и мысль.

Я сейчас готовлю к изданию книгу «Великие моралисты» и хочу туда включить очерк о Ницше. После нашего разговора я чувствую, что его надо заново просмотреть.

Мне интересно Ваше ощущение: насколько сегодня Ницше присутствует, так сказать, в исторически-философском контексте?

Он присутствует, и присутствовал всегда (даже в курсе диалектического материализма). Еще в 1966–1967 гг. я читал лекции о Ницше в курсе философии для студентов факультета журналистики МГУ. Это было интересно и студентам, и мне лично. Что касается сегодняшнего дня, то, в связи с ренессансом Ницше на Западе, а также в связи с так называемым постмодернизмом в философии и культуре, интерес к Ницше в России наблюдается повышенный. Издание полного собрания сочинений чего только стоит! К тому же Ницше из тех философов, у которых всегда были очень активные приверженцы: такие, как вы.

В заключение хочу еще раз вернуться к Вашему отношению к Ницше. Вы говорите, что не критикуете Ницше, стремитесь понять его, можно ли Вас считать ницшеанцем?

Вы подняли важный вопрос методики исследовательской работы в области философии.

У философов было принято критиковать своих предшественников, не просто критиковать, а часто и как правило радикально отвергать. Так поступал и Ницше. Это была своеобразная форма обоснования истинности своего учения, своей системы. Ведь философы – не сотрудники одного проектного бюро. Каждый из них предлагает свой собственный проект «здания» вселенной человеческого духа. Таких проектов не может быть много. Он может существовать только в единственном числе, поскольку речь идет именно о вселенной. Поэтому философ, чтобы обосновать истинность своего проекта, должен показать несовершенство других. Я бы даже выразился так: отрицание достижений предшественников было основной линией своеобразной преемственной связи в области философии.

Это касается философов. Совсем другое дело – исследовательская работа, предметом которой являются философские учения и системы. Здесь уже, на мой взгляд, не может быть речи о критике, разоблачении. Основная установка здесь – понять, объяснить. Если хотите, позиция исследователя истории философии в чем-то очень существенном такая же, как позиция зоолога по отношению к тем видам, которые тот изучает, даже

если речь идет о вредных и опасных для человека существах. Ведь если я, анализируя взгляды Ницше, буду говорить, что он не так, неправильно понимал мораль, то это будет означать, что я (в отличие от него) понимаю правильно. Вот, мол, он не знал, в чем заключается генезис и творческая функция морали и потому писал о ressentimente, а я знаю... В таком случае я выступаю не как исследователь Ницше, а как автор своего этического учения, я смещаю акценты и одну задачу – понять Ницше подменяю другой – показать собственную правоту.

Так что я подхожу к Ницше как исследователь, профессор философии, философвед, а не как человек, который обладает более высокой истиной, чем Ницше. В этом смысле меня можно назвать ницшеанцем в такой же мере, в какой кантианцем, аристотеликом, марксистом... Когда речь идет о великих моралистах, самое главное и трудное для меня заключается в том, чтобы встать на их позицию и внутренне до конца ее пройти, пройти и логически, и психологически – так, как если бы я сам разрабатывал соответствующую этическую программу. Я стремлюсь понять ее, понять с такой степенью полноты, чтобы ее можно было принять. Мои очерки о великих моралистах вполне можно назвать апологетическими. Они такие и тогда, когда речь идет о Мухаммеде, и тогда, когда речь идет об Иисусе Христе. И тогда, когда речь идет о Л.Н.Толстом, и тогда, когда речь идет о Ницше, Вы скажете: это невозможно! Я отвечу: почему невозможно? Разве нельзя любить и Пушкина, и Маяковского?! Разве тот же Пушкин не писал и «Евгения Онегина», и «Гавриладию»?

Есть все-таки что-то странное, чтобы принимать и Толстого, и Ницше.

Пожалуй, согласен с Вами. Я тоже нахожу это в себе странным. Могу только повторить теперь в оригинале: «There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy».